

ВОСПРИЯТИЕ ФИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ

Формирование представления о Финляндии в царской России определялось несколькими факторами. Во-первых, внутренними изменениями в финском обществе и, во-вторых, под влиянием проходивших в российском обществе политико-идеологических и духовных процессов. На протяжении XIX века по-разному складывалось представление о Финляндии в России. Авторы статьи предлагают периодизацию формирования образа (имиджа) Финляндии в России, на основании исследования российской общественной печати.

Первый период. С момента присоединения Финляндии к России в 1809 году до середины XIX века. Этот период характеризуется, незначительным упоминанием Финляндии в печати. Но эти малые заметки носили благожелательное, романтическое представление. Как отмечал И. Соломещ, «интерес российского наблюдателя довольно редко имел политическую окраску. Скорее приходится говорить об эстетическом, этнографическом, романтически окрашенном интересе. В результате довольно быстро зафиксировался образ суровой природы, в условиях которой живут эти молчаливые, но совсем не опасные финны. С легкой руки поэтов К.Батюшкова и А.Пушкина сформировалось несколько патерналистское отношение к финнам как к народу». [7, С.58] По мнению И. Хирвисахо, [10] такой образа Финляндии в русской литературе, определялся российской идеологией, которая воспринимала автономию как колонию. В свою очередь образ колонии характеризовался как дикая страна, романтической, первобытной природы не тронутая цивилизацией, населенная простым народом. На этом фоне Россия выглядит как носитель цивилизации, несущая в дикий край современную культуру. Далее финский исследователь отмечает,

что все российские авторы, с присущим им эстетикой романтизма, намеренно преувеличивали суровость и пустынную Финляндии, мрачность и неприветливость её природы, и непритязательную простоту её населения, изображаемого как неких детей природы, находящихся в полной гармонии с окружающим их миром. В заключении своей работы И. Хирвисахо цитирует знаменательную фразу В.Ф.Одоевского: «финнов можно назвать народом древности, переселённым в нашу эпоху». [10, С.244]

Другой точки придерживался К. К. Грот (1815—1897) — российский государственный и общественный деятель. В его очерке «О финнах и их народной поэзии» отмечалось, что этот народ энергичен, решителен и мужественен, на редкость терпелив, честен и верен данному слову, самозабвенно привязан к своей родине и сострадателен по отношению к ближним, гостеприимен. Финны с недоверием относятся к иноплеменникам, и поэтому они скрытны и молчаливы, но в тоже время справедливы, отзывчивы на доброе отношение. [2, С. 53]

«В частности, - отмечает отечественный исследователь И. М.Соломещ, - размышления об исторических судьбах Финляндии и ее месте в составе империи неминуемо оказывались в повестке дня полемики западников и славянофилов, при том общем замечании, что финляндские дела в общеимперском контексте еще долго не представляли собой проблему первого плана. Славянофильский подход к Финляндии, равно как и в отношении других порубежных районов империи с их инородческим и иноверческим населением, довольно долго оставался окрашенным неким романтическим мессианством». [7, С.39]

Второй период. Вторая половина XIX века характеризовалась особым вниманием российского общества к Финляндии. Можно полностью согласиться с мнением М. А. Витухновской, которая считает, «отношение к национальному вопросу и имперской проблематике стало одним из существенных «маркирующих» идеологических признаков; национальный дискурс сыграл существенную роль в окончательном размежевании

российского интеллектуального сообщества на консервативную и либеральную части». [2, С. 78]

С 60-х годов XIX века начался новый этап в отношении к Финляндии и был связан с царствованием Александра II. Главным стало возобновление работы Сейма Финляндии, который не собирался более пятидесяти лет. Российские консервативные и либеральные политики оценивали ситуацию в Финляндии с диаметрально противоположных сторон, что положило начало их противостоянию по финляндскому вопросу. Именно в этот период, как отмечает М.Витухновская, оформились характерные для консерваторов и либералов «образы Финляндии». [2, С.80]

Российские либеральные журналисты и литераторы трактовали образ финского народа, как нации воспринявшей основы европейской цивилизации, обладающей выборными органами самоуправления и приверженной гражданским и политическим свободам. Образ Финляндии у либералов связывался с формирующейся демократией, правовым государством с элементами гражданского общества. Такой образ автономии давал перспективу для демократизации всей метрополии. Консервативно настроенные публицисты видели в процессах, проходящих в Финляндии опасность сепаратизма и развала империи.

Необходимо исследовать связь формирования общественного мнения в России с образом Финляндии в политических кругах метрополии XIX века. «Общественное мнение - это не просто агрегация отдельных индивидуальных суждений, это - организация, совместный продукт коммуникации и взаимного влияния», [3, С.121] отмечал известный западный исследователь Ч.Кули.

Для понимания действия общественного мнения, по нашему мнению, необходимо различать «истинное общественное мнение» от «массового впечатления». Первое характеризуется зрелостью, серьезным и ответственным подходом, устойчивостью связей и влияний. Второе расплывчатое, эмоциональное представление, имеющее тенденцию к

быстрому распространению, привлекающее к себе общее внимание. Однако оно недолговечное и быстро исчезающее.

Мнение публицистов и литераторов оказывало главное воздействие на представление российского общества о Финляндии. Именно журналы стали важнейшим инструментом формирования имиджа Финляндии, причем «образ Финляндии» существовал для российских мыслителей в неразрывной связи с тем «образом России», который возникал перед их мысленным взором и в разных случаях воспринимался либо как помеха на пути развития Российской империи, либо как один из стимулов к ее движению вперед». [2, С. 102]

Третий период. Вступление на престол Александра III привело к появлению теории «народного самодержавия». Главная идея теории, единения царя с народом, что придавало политическому курсу националистическую окраску. Идейной основой нового царствования стал национальный миф, идея противопоставления России Европе. «В основу исторической парадигмы, – пишет Р.Вортман, – была положена <...> заимствованная у славянофилов идеализированная картина XVII в. – эпохи, когда царь правил в единстве и в гармонии с “землей русской”». [1, С.238]

Эта политика привела к появлению националистической и консервативной тематики в публикациях посвященных Финляндии. Ведущим идеологическим центром, формирующим общественное мнение, стало издание «Московские ведомости». По подсчётам Л.В.Суни, только за 1880–1889 годы этим изданием было опубликовано более 200 статей по финской тематике. [8, С. 23] Тематика статей была различна, но основная мысль их сводилась к тому, Финляндия платит России чёрной неблагодарностью, стремясь к обособлению и существованию за российский счёт. Вот типичный «образ неблагодарной Финляндии», нарисованный в «Московских ведомостях» (1884. 26 июня. № 176): «Имея своё управление и свою монетную систему, будучи отделена от Империи таможенною границей, Финляндия находится почти только в личном соединении с Россией. Не

желая участвовать в общей жизни Империи, уклоняясь от исполнения общегосударственных повинностей, не принимая участия в погашении долговых обязательств государства, не разделяя наших затруднений <...>, вообще обособляя себя от России, Финляндия желает жить за счёт России. Справедливо ли это?». [2, С. 23]

Такие обвинения Финляндии были связаны с многочисленными льготами, предоставленными ей в правление Александра II, что в свою очередь определило её экономический рост. Позиция националистов сводилась к тому, что только льготы и помощь России являлись основанием быстрого развития финской экономики. Финляндия воспринималась консерваторами как окраина, которая воспользовалась богатствами метрополии и отказывающаяся принять национальные интересы России, демонстрирующая отсутствие должного уважения или хотя бы элементарной благодарности.

Период с 70-х по начало 80-х годов XIX века характеризовался возникновением финского национализма. Интересно мнение П.И.Мессароша, побывавшего в Финляндии в 1870 году, и вторично в 1895 году, был поражён «переменами, произошедшими в течение этих 25 лет во взглядах крестьянского населения края. Мы увидели, – писал П.И.Мессарош, – что в эти четверть века ненависть ко всему русскому приняла громадные размеры...». [5,С.3] В этот период произошло столкновение финского национализма с национализмом русским. По мнению М.Витухновской, российские националисты страдали «комплексом национального унижения, поскольку были не в силах признать, что маленькая и бедная природными запасами окраина смогла экономически обогнать метрополию, опираясь, вкупе с уже упоминавшимися экономическими льготами, на своё либеральное законодательство, разумное самоуправление и рациональное хозяйствование». [2,С. 37]

Мы полностью согласны с концепцией М. Хроха, [11] считающим, что большинство европейских национальных движений проходили три фазы: А -

пробуждение интереса сравнительно небольшой группы образованных людей к языку, истории и фольклору определённой этнической группы. Фаза Б – развитие национальной агитации. Фаза В - национальное движение становится массовым. Если применить концепцию М.Хроха к Финляндии второй половине XIX века, то в финское национальное движение переходило от фазы национальной агитации к фазе массового национального движения.

Новый «образ Финляндии» к концу 80-х годов в консервативно-националистической прессе получил новое звучание. Финляндия воспринималась как отступник, обманувший доверие метрополии и использовавший предоставленные ей блага для своих нужд, игнорируя интересы империи. Такая позиция российских консерваторов трактовала Финляндию как чужой, враждебный край. Эта позиция четко была сформулирована в Государственной Думе правым националистом В.М.Пуришкевичем: «...Финляндия, выросшая под покровительством русского двуглавого орла, обязана всем своим благоденствием России, эта Финляндия отплатила ей чёрной неблагодарностью <...> мы должны быть сильны, и это один из главных поводов, одна из главных причин того, что самые серьёзные, самые беспощадные репрессии должны быть приняты в отношении взбунтовавшейся окраины». [2, С. 11]

Но существовало и либеральная характеристика, рассматривающая автономию как единственный и благодатный уголок российской империи, где царили культура и демократия. На защиту Финляндии встал журнал «Вестник Европы», на его страницах формировался либеральный «образ Финляндии». В основе этого образа лежало представление о перспективах и будущем России. Идеалом либералов была западноевропейская демократия, с конституционным правлением, гражданским обществом, правовым сознанием народов. Финляндия воспринималась, «подстоличной» Европой, Европой домашней. Эту позицию хорошо выразил в начале XX века А.И.Куприн. Он писал о Хельсинки: «Так близко от С.-Петербурга – и вот настоящий европейский город». [4, С.602] Финляндия трактовалась

российскими либералами как Европой в миниатюре. Благоустроенной, просвещённой Европой, которая была для них общественным и политическим идеалом и должна была стать моделью для развития всей России. Именно с этих позиций либеральная пресса вела защиту Финляндии от наступления российской власти.

Особенностью финнов либералы считали, их принадлежностью к «европейской цивилизации», воспитавшей в них черты гражданской личности и правовое сознание. Издание «Голос» писала, что в результате связи с германо-скандинавским миром «очень рано были внесены в Финляндию все существеннейшие черты европейской цивилизации. <...> Под всеми этими влияниями развивалось в народе сознание человеческих прав, складывалась и крепла гражданская личность, возникало сознание политической свободы, являлся навык к самоуправлению». Восторженно описываются приметы «тесной общественной организации», мы бы назвали это основами гражданского общества, существующей в Финляндии. «Почти во всех городах, – отмечает неизвестный автор, – и даже в некоторых селениях Финляндии в настоящее время есть различные общества (перечисляются просветительные, врачебные, сельскохозяйственные, попечительские, литературные и т. д. общества, общества призрения нищих – М. В.), ...действия которых обнимают положительно всю Финляндию...». [2, С. 54]

Защита Финляндии в III Думе была массовой со стороны всех левых партий: кадетов, социал-демократов, трудовиков, прогрессистов. Выступления носили эмоциональный характер, в них проявлялось желание отстоять Финляндию. Социал-демократ И.П.Покровский 2-й констатировал: «Правительство не может терпеть рядом с собой страну, входящую в состав Российского государства, страну с действительным демократическим народным представительством, <...> где действительно, а не фиктивно существуют гражданские свободы, страну, где народное образование проникло в глубь, в деревню, страну, где культура дошла до глубины лесов и

деревень».[2,С.61] Либеральная пресса сравнивает жизнь крестьян Финляндии и внутренних губерний России: «Живут финские крестьяне чисто; одеваются хорошо и опрятно; по нашим понятиям их достаток можно назвать большим. Во внутренних губерниях таким достатком располагают только богатые мужики, да и то живут с меньшими удобствами...». В Курской губернии, продолжает публицист из журнала «Мир Божий», «несмотря на несравненно лучшие климатические и природные условия, доход хозяина в среднем в 2,5 раза ниже, чем в Финляндии». [9, С. 21]

Особое внимание либералы уделяли просвещённости и грамотности финляндского общества. Их восхищал огромный престиж образования, грамотности, культ школы, который существовал в Финляндии. Журнал «Мир Божий» неоднократно публиковал статьи, анализирующие финскую систему просвещения. По его мнению, в основе школьного образования лежало два принципа: оно необходимо не само по себе, а для воспитания народа в борьбе за существование, должно быть массовым, и нельзя ограничиваться преподаванием только грамоты, а следует «вырабатывать развитых людей и хороших граждан». Результатом такой программы должно стать воспитание сознательного, самостоятельно мыслящего гражданина.

Такая позиция целиком противоречила принципам российской образовательной системы выдвинутой К.П.Победоносцевым, суть которой сводилась к созданию сети церковно-приходских школ в стране, в задачу которых входило не прививать умения самостоятельно, логически мыслить «простому человеку». [6, С.127]

Оценку финской школе дал А.Куприн: «О поголовной грамотности финнов все, конечно, слышали, но, может быть, не все видели их начальные народные школы. Мне привелось осмотреть довольно подробно новое городское училище <...> Это дворец, выстроенный года три-четыре назад, в три этажа, с сажеными квадратными окнами, с лестницами, как во дворце, по всем правилам современной школьной гигиены». [4, С.619]

В либеральной прессе давалась высокая оценка внешним, бытовым чертам «европейскости», которые так привлекали русских в Европе, и которых так не хватало в России. В разные годы, российская публицистика, неизменно отмечала высокую бытовую культуру финнов, чистоту, грамотность и честность народа.

Мы вновь сталкиваемся с противостоянием Финляндии и России, о котором уже писали – грубая, тупая сила стремится разгромить оазис культуры и свободы, который раздражает её своим благополучием.

Развивающаяся Финляндия несла в себе угрозу для империи, ибо, как справедливо отмечает Р. Суни, «успехи модернизации создают условия для провала империи» и далее поясняет, что пафос империи, её оправдание заключается в том, что она несёт цивилизацию подвластным народам. И далее «Нуждаясь в оправдании права иностранцев управлять народами, которые стали преобразовывать себя в нации, – продолжает Суни, – имперская элита пользовалась идеей модернизации младших и нецивилизованных народов в качестве главного средства легитимизации имперского порядка...». [8, С.23] Финляндия в эту схему никак не вписывалась, напротив – именно от неё либералы ждали цивилизационного воздействия на Россию. Всё сказанное помогает понять, в чём заключались главные причины начавшегося во второй половине 80-х годов и продолжавшегося вплоть до самой революции 1917 года «похода на Финляндию», организованного консервативно-национальными силами и поддержанного властью.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вортман, Ричард. «Официальная народность» и национальный миф Российской монархии XIX века. // Россия/Russia. Культурные практики в идеологической перспективе. Россия, XVIII – начало XX в. / Сост. Мазур Н.Н. Москва-Венеция, 1999. № 3 (11).
2. Витухновская М.А. Бунтующая окраина или модель для подражания: Финляндия глазами российских консерваторов и либералов второй половины XIX – начала XX веков// Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей / Под науч. ред. А.Н.Цамутали, О.П.Илюха, Г.М.Коваленко: НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004.

3. Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс, Дом интеллектуальной книги, 2000
4. Куприн А.И. Немножко Финляндии // Собр. соч. Т. 6. М., 1958. 614 с.
5. Мессарош П.И. Финляндия – государство или русская окраина? СПб., 1897.
6. Победоносцев К.П. Народное просвещение // Победоносцев К.П.: Pro et Contra. Антология. СПб., 1996.
7. Соломещ И. М. От Финляндии Гагарина к Финляндии Ордина: на пути к финляндскому вопросу// Многоликая Финляндия. Образ Финляндии и финнов в России: Сб. статей / Под науч. ред. А.Н.Цамутали, О.П.Илюха, Г.М.Коваленко: НовГУ имени Ярослава Мудрого. – Великий Новгород, 2004
8. Суни, Рональд. Империя как она есть: имперская Россия, «национальное» самосознание и теории империи // Ab Imperio. 2001. № 1–2.
9. Фирсов В. Причины экономических и культурных успехов Финляндии // Мир Божий. 1898. № 12. СПб., 1898.
10. Hirvisaho Iida Katariina. A Stepchild of the Empire: Finland in Russian Colonial Discourse. Los Angeles, University of California, 1997.
11. Hroch, Miroslav. Social preconditions of national revival in Europe. A comparative analysis of the social composition of patriotic groups among the smaller European nations. Cambridge, 1885.

А.С.Матвеевская, С.Н.Погодин
ВОСПРИЯТИЕ ФИНСКОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ В ЦАРСКОЙ РОССИИ
Matveevskaya Anna S., Pogodin Sergey N.
PERCEPTION OF THE FINNISH IDENTITY IN IMPERIAL RUSSIA

Аннотация

В статье анализируется представление о Финляндии в царской России. Особое внимание уделено внутренним изменениям в финском обществе, его политическом и социо-культурном контексте. Исторические рамки в данном контексте охватывают три периода. Первый – с момента присоединения Финляндии к России в 1809 году до середины XIX века. Второй - вторая половина XIX века характеризовалась особым вниманием российского общества к Финляндии. Третий - вступление на престол Александра III привело к появлению теории «народного самодержавия». Предложенная авторами периодизация, позволяет лучше проследить изменения отношения к Финляндии. В этой связи, по мнению авторов, можно предложить классификацию основных факторов, оказавших воздействие на формирование образа (имиджа) Финляндии в России.

Ключевые слова

ФИНЛЯНДИЯ, ЦАРСКАЯ РОССИЯ, ИМИДЖ, ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ, НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ, НАЦИОНАЛЬНАЯ САМОБЫТНОСТЬ

Abstract

The article examines the image of Finland in the Imperial Russia. Particular attention is paid to internal changes in the Finnish society, its political and socio-cultural context. Historical framework in this context covers three periods. First period is since the accession of Finland to Russia in 1809 to the middle of the XIX century. Second period is the second half of the XIX century was characterized by a focus of Russian society to Finland. Third period is accession to the throne of Alexander III led to the theory of "people's autocracy." Periodization proposed by the authors, allows for better track changes in attitude towards Finland. In this regard, according to the author, we can propose a classification of the main factors that had an impact on the image of Finland in Russia.

Key words

FINLAND, TSARIST RUSSIA, IMAGE, PUBLIC OPINION, NATIONAL MOVEMENT, NATIONAL IDENTITY

МАТВЕЕВСКАЯ Анна Сергеевна – кандидат географических наук, старший преподаватель кафедры мировой политики Факультета международных отношений Санкт-Петербургского государственного

университета; 191060, ул. Смольного 1/3, 8 подъезд, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: annamatveevskaya@mail.ru

MATVIEVSKAYA, Anna S. - Saint-Petersburg State University; 191060, Smolnogo 1/3, 8 entrance. Petersburg, Russia; e-mail: annamatveevskaya@mail.ru

ПОГОДИН Сергей Николаевич – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой международных отношений Института международных образовательных программ Санкт-Петербургского государственного политехнического университета; 195220, Гражданский пр., д.28, Санкт-Петербург, Россия; e-mail: pogodin56@mail.ru.

POGODIN Sergey N. – Saint-Petersburg State Polytechnic University; 195220, Grazhdansky pr. 28, St. Petersburg, Russia; e-mail: pogodin56@mail.ru.